

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.С. Черкасова
доктор исторических наук, профессор ВоГУ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПШЕНИЦЫН Д.А., ХОМУТОВ А.Н. ЛЕЖСКИЙ ВОЛОК В XVII–XX ВЕКАХ: ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. ИССЛЕДОВАНИЕ. ВОЛОГДА: ИП А.В. КИСЕЛЕВ, 2017. 351 с.: ил.

На суд читателей представлена книга Дмитрия Александровича Пшеницына (архивиста и историка) и Алексея Николаевича Хомутова (юриста), вышедшая под «грифом» Вологодского союза писателей-краеведов и Вологодского городского генеалогического общества, членом которых является один из авторов, осенью 2017 г. Издание было осуществлено на средства А.С. Большакова в память о своих предках, уроженцах старинной вологодской волости Лежский Волок.

В обращении к читателю авторы пишут о своей работе над книгой в течение 10 лет, когда удалось выявить огромный массив документов в региональных и федеральных архивах. Тогда же были написаны, изданы первые пробные очерки («Страницы истории Лежского Волока» – 2013 г.), более широко затем развернутые в данной книге. В обращении к читателю подкупает выражение искренней благодарности авторов десяткам местных жителей, которые и своими рассказами о родном крае, и предоставленными материалами (фотографиями из церковных и семейных архивов, письмами, различными документами) помогли авторам в работе над книгой.

Известная уже XV–XVII вв. волость Лежский Волок в XVIII–XIX вв. стала основой для образования ряда волостей Грязовецкого уезда Вологодской губернии – Анохинской, Жерноковской, Раменской, а в советское время – ряда сельсоветов (Побережский, Вохтогский, Сидоровский, Жерноковский, Лежский и др.) Грязовецкого района Вологодской области. Этот обширный край лежал на водоразделе Волжской и Сухоно-Двинской речных систем, а в XII–XIV вв. шло его активное заселение славянами по водно-волоковым путям. Отсюда и название – по существовавшему до XVI в. волоковому переходу из р. Монзы (притока Волги) в р. Лежу (приток Сухоны). Книга состоит из Введения, двенадцати глав, Заключения, библиографического списка, перечня сокращений, сведений об авторах. Следует отметить прекрасное полиграфическое исполнение книги – она напечатана на качественной бумаге удобным для читательского восприятия шрифтом, снабжена большим количеством цветных и черно-белых иллюстраций, схем, таблиц, карто-схем. В конце приведена весьма крупная по масштабу карта, профессионально выполненная историком А.Л. Грязновым. На ней и сам *волок* ориентировочно показан.

Первая глава посвящена истории данной местности, длительному процессу формирования ее административно-территориального деления в XVI–XX вв. Этот сложный процесс реконструируется авторами по духовным грамотам московских князей XV–XVI вв., дозорным, переписным и писцовым книгам XVII вв., свидетельствам иностранцев о Московском государстве XVI–XVII вв., императорскому законодательству XVIII–XIX вв. Во *второй* главе авторы анализируют вопросы исторической демографии, статистические данные о народонаселении волостей края с XVII в. до переписей 1920–1930-х годов. Сложный цифровой материал тщательно прочитан на уровне каждого прихода, селения, предъявлен читателю с исчерпывающей полнотой в многочисленных таблицах. Трудоемкая обработка переписных книг 1678 г., материалов ревизий и метрических книг XVIII–XIX вв. позволила авторам выйти на проблему формирования крестьянских фамилий, некоторые из которых (Аверичевы, Большаковы, Гладины, Гумаровы, Зарубаловы, Каберовы, Кокановы, Косаревы, Кренделевы, Ладошины, Поляковы, Молодяковы и др.) и доньше продолжают бытовать в данном крае. Д.А. Пшеницын и А.Н. Хомутов считают, что образование фамилий быстрее шло (уже в конце XVII–XVIII в.) у государственных крестьян с их большей правосубъектностью, тогда как у разных категорий владельческих крестьян (архиерейских, монастырских, помещичьих) процесс этот разворачивался медленнее. Зато быстрее крестьянских складывались фамилии дворян-помещиков, и авторы книги сообщают их – это были Беклемишевы, Волоцкие, Горяиновы, Скорбеевы, Шаровы, Шарыгины, оказавшиеся на Лежском Волоке в результате массовых поместных раздач главным образом послесмутного времени. Среди них были служилые люди и явно иноземного происхождения Ленины, от потомка которых Николая Егоровича Ленина, фамилия которого была закреплена в его паспорте в 1900 г., был заимствован псевдоним Владимира Ульянова (с. 199–200).

В *третьей* главе проанализирован сословный состав населения Лежского Волока. Будучи по преимуществу крестьянским, оно включало разные категории сельских жителей – архиерейских, монастырских, государственных (черносошных), помещичьих крестьян. В *четвертой* главе авторы продолжают историко-демографическую разработку Лежского Волока,

но переключают свое и читательское внимание на приходы. В ней приведены сведения о семи церковных приходах в Жерноковской волости на конец XIX в. Однако хронология главы значительно шире – привлечение агиографических текстов, писцовых книг XVII в., монастырских переписных книг 1701–1702 гг., клировых ведомостей XIX вв. позволило обрисовать состав священно- и церковнослужителей, их возрастные и служебные характеристики на протяжении почти трехсот лет. Весьма уместен анализ института церковных старост, воплощавших контроль крестьянской общины над церковью. Ошибочным лишь является утверждение авторов о том, что институт этот возник в начале XVIII в. На самом деле на Русском Севере с его ощутимыми чертами общинного быта институт этот широко был известен уже в XVII в., а в императорскую эпоху он был более упорядочен правительством и Св. синодом. Представлен живой материал о персональном составе церковных старост, затронута и актуальная научная проблема церковных преобразований в России в 1860–1870-е гг., когда были организованы приходские попечительства и предметом широкой общественной дискуссии стали вопросы улучшения материального положения приходского духовенства, формирования его сословного самосознания.

В связи с особой ролью прихода в народной жизни авторы в *четвертой* главе подробно анализируют основной корпус источников, функционирующих на его уровне – это метрические книги, исповедные ведомости, книги брачных обысков, предбрачные свидетельства, венечные памяти. Богатый состав цветных иллюстраций удачно подобран и расположен, органично связан с авторским текстом, а читателю позволяет наглядно представить, как выглядели эти виды массовой церковно-учетной документации, как они оформлялись и удостоверялись. В той же главе говорится и о церковно-приходских летописях, в которых отразилась и закрепились местная историческая традиция – устная и письменная, что важно для изучения культуры крестьянских сообществ. На с. 101–119 с незначительными сокращениями приведена летопись Спасо-Преображенской Сеньговской церкви за 1868–1916 гг., осветившая как события общероссийской истории, так и факты жизни нескольких поколений прихожан.

Глава *пятая* посвящена проблемам старообрядчества в Жерноковской волости. Зародилось оно в крае в 1660-е годы в форме «капитонства», тогда же известны и первые самосожжения раскольников, в дальнейшем – движение «беспоповского согласия». Авторы в данной главе вводят в оборот выявленное ими в фонде Вологодского окружного суда дело 1872–1877 гг. о раскольнике-крестьянине Дамиане Ерастове. Привлекается документация Вологодской духовной консистории о попытке крестьян Сеньговского прихода открыть единоверческий храм у себя в селе, не увенчавшейся успехом. Старообрядцы разного толка сохранялись здесь вплоть до 1917 г., хотя расценивались церковным руководством как «уклонившиеся в раскол, не настоящие раскольники».

В главах *шестой* и *седьмой* проанализированы властная вертикаль в организации местной жизни, органы полиции, милиции, суда, формы отправления правосудия, круг рассматриваемых дел. Здесь показана,

как функционировали институты государственного и местного самоуправления: от губернаторов до нижних земских судов и уездных исправников, знакомых нам по пушкинскому «Дубровскому», и волостных сходов с выборными лицами от крестьянских миров. Весьма содержательна табл. 20, в которой собраны данные о мирских выборных с 1668 по 1910 гг. (с. 151–152). Ее органическим продолжением является табл. 21, в которой систематизированы биографические данные о волостном старшине П.С. Зарубалове, уличенном в 1885 г. в должностном преступлении (с. 154).

Показывая генезис института сельских старост, авторы приводят мирской «приговор и излюб» 1682 г. по вотчине вологодского архиепископа, опубликованный Е.Н. Баклановой в монографии «Крестьянский двор и община на русском севере» (М., 1976. С. 216–217). В нем участвовало 114 человек! При этом текст авторами иногда искажается: *чир* вместо *что*, *нечетные* деньги – вместо *начетные* деньги. За этим стоит не всегда тщательное вычитывание текста, тем более небрежное отношение к тексту другого исследователя (с. 160–161).

Показано также функционирование уездных органов полиции в лице становых приставов и полицейских урядников, подведомственных уездному исправнику. Низшее звено полицейского аппарата – общинные сотские и десятские – весьма архаично, терминология отсылает нас едва ли не к поздней первобытности/раннему средневековью. Интересны выявленные в архиве тексты «клятвенных обещаний» (присяги) сотских и десятских (с. 178–179). Таблицы 25–26 – это списочный состав выборных сотских и десятских по сельским обществам Жерноковской волости. Социокультурный момент в них имеют сведения о грамотности: авторы считают, что этот признак не имел на выборах решающего значения. Я же полагаю, что показанное в таблицах соотношение (каждый третий на данных должностях являлся грамотным) такой вывод ставит под сомнение. Напрашивается и другая поправка: грамотность вряд ли можно считать «образованием» (с. 184), поскольку под нею нередко понимались всего лишь навыки чтения, счета и письма, тогда как образование – это обретение специализированных профессиональных умений.

Положительной чертой рецензируемой книги можно считать уход авторов от резкого противопоставления русской истории до 1917 г. и после него. Их понимание потока истории – и с этим следует согласиться – более непрерывное, протяженное. В главе об органах власти вслед за полицией они рассматривают милицию, введенную постановлением Временного правительства в апреле 1917 г. Читатель узнает имя первого милиционера Жерноковской волости – И.В. Калининичева и сменившего его крестьянина А.Я. Воробьева (с. 188–189). После недолго просуществовавшей буржуазной милиции вводится в 1918–1924 гг. рабоче-крестьянская милиция. Старшими и младшими милиционерами выявлялись факты пьянства, самогонварения, дебоширства, самоубийства, растрат (с. 190–191).

Интересный ракурс местной истории представлен в *восьмой* главе, где рассматривается организация

военной службы, рекрутские наборы царской России и становление Красной армии в первые революционные годы. Военская служба в XVIII–XX вв. всегда была тем «звеном», в котором государство и народные низы тесно соприкасались. Перед читателем проходит жеребьевая система отбора призывников, их возраст, ростовой ценз – не менее 153–155 см. Обращение к формулярам новобранцев по трем призывным участкам Грязовецкого уезда за 1840–1860-е годы раскрывает некоторые медико-социальные и социокультурные аспекты – виды болезней или болезненных отклонений, травм у молодых людей, наличие или отсутствие вредных привычек, черты внешнего облика, нрава, грамотность, владение тем или иным ремеслом (с. 212–215 и др.). Мемориальное значение имеет табл. 30 – список погибших или пропавших без вести солдат, уроженцев Жерноковской волости, в Первой мировой войне (с. 227–230). Проникновенно написанные биографические очерки приведены в данной главе и о земляках (в основном 1920–1924 годов рождения), не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны...

В *девятой* главе внимание читателя переключается на то, что ныне широко определяется как *повседневность* – это и продовольственное обеспечение жителей, и медицина, и борьба с пожарами в 1878–1912 гг., и народное образование через сеть церковно-приходских школ и земских училищ, и организация местного транспорта. Тема эта продолжена в *десятой* главе, рассказывающей о строительстве и открытии в 1872 г. Вологодско-Ярославской железной дороги. Втягивание старинного Лежского Волока в процесс модернизации продолжилось со строительством в начале XX в. Северной железной дороги (Петербург – Вологда – Вятка). Так появились станции Вохтога и Лежа, функционирование которых способствовало заметному обновлению жизни многих окрестных де-

ревень, ускорению социально-экономического развития края. А отсюда и тема следующей – *одиннадцатой главы* – о промышленности Жерноковской волости с пореформенного времени и до середины 1920-х годов. Важно, что мировой бренд Вологодское масло имеет к ней прямое отношение, поскольку именно здесь отставной лейтенант Н.В. Верещагин в 1880 г. получил разрешение на производство масла на молочных заводах Кирша в д. Спасское и Нефедово (с. 291–292).

Что-то символическое (учитывая «юбилейный» 2017 год) видится в последней – *двенадцатой* – главе, посвященной революционным событиям 1917 г. и становлению советской власти в крае. Здесь показано разрастание сети партийных и комсомольских ячеек. Иногда в глаза бросаются некоторые неточности, скажем, на с. 323: не ВКП(Б), а ВКП(б), борьба не «с извращениями», а с искривлениями партлинии (1929 г.). Впрочем, авторы, родившиеся в 1970-е годы не столь восприимчивы к советскому политическому дискурсу теперь уже давних годов...

Несмотря на отмеченные недочеты, рецензируемая книга отличается многоплановостью, охватывая множество разных сюжетов местной истории, источниковой фундированностью, хронологической глубиной, она густо населена людьми разных поколений – это и крестьянин, и дворянин, и мастеровой человек, и архиерейский слуга, и транспортный рабочий, партийный и комсомольский активист. На будущее, в случае подготовки второго издания, хотелось бы пожелать авторам преодолеть некоторую структурную рыхлость книги, четче вычленив авторский текст от многочисленных длинных цитирований документов, привести в конце список всех таблиц (а их почти полсотни), а Заключение сделать более весомым, солидным, подводящим итоги по-настоящему доброкачественной и вдохновенно выполненной работы.